
СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ И АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ*

О.А. Крылова

В заглавие статьи помещены два термина, называющие такие понятия, которые на первый взгляд не имеют между собой ничего общего. Структурные схемы предложения «являются абстракциями, отвлекаемыми от неограниченного множества конкретных предложений» [6. Т. II. С. 85; далее РГ-80]; они отражают набор предикативных основ предложения, т.е. то сочетание словоформ (или одну словоформу), которые выступают носителями *предикативного значения* предложения — и только, коммуникативная завершенность при выделении структурных схем не требуется. Актуальное членение предложения, напротив, — это такое его бинарное устройство из темы и ремы (при этом тема может быть и нулевой), которое задано коммуникативной установкой говорящего (пишущего); актуальное членение отражает коммуникативный смысл предложения, формируя предложение как *коммуникативную синтаксическую единицу* [1; 4]. Казалось бы, структурные схемы как «синтаксические образцы» [6. С. 84] с актуальным членением предложения никак не связаны, и тот закрытый список структурных схем простого предложения, который содержится и в «РГ-80», и в «Краткой русской грамматике» [2; далее — КРГ], составлен без учета актуального членения предложений. (Правда, актуальное членение простых предложений в РГ-80 описывается, но уже как различные речевые преобразования предложения, построенного по определенной, выделенной без учета актуального членения, структурной схеме.)

Однако между этими двумя сторонами организации предложения существует нерасторжимая связь. Не случайно Е.Н. Ширяев, рассматривая предложение «в грамматическом аспекте», включал в него «синтаксические формы предикативности, синтаксические формы структурной схемы и синтаксические формы актуального членения» [5. С. 6—7]. По его мнению, эти синтаксические формы неразрывно связаны и организуют «формально-синтаксическую структуру» пред-

* Предлагаемая вашему вниманию статья проф. О.А. Крыловой «Структурные схемы и актуальное членение предложения» (впервые опубликована в: Вопросы культуры речи, IX. — М.: Наука, 2007. — С. 250—259) представляет особый интерес не только для русистики, но и для теории языка в целом. В этой работе существенно уточняется типология структурных схем русского языка, раскрываются семантические и функциональные особенности русского предложения в динамическом аспекте, обосновывается комплексная характеристика предикативности как грамматического значения предложения. Модель предложения, или структурная схема, является грамматической абстракцией высокого уровня, однако ее содержание не исчерпывается грамматическими значениями, а собственно предложенческая семантическая категория предикативности охватывает более широкий комплекс значений, чем тот, который реализуется формально-синтаксической связью. Самостоятельная коммуникативная функция предложения требует существенного уточнения содержания предложения, что обеспечивают механизмы актуального членения предложения. — *Редколлегия.*

ложения, или его «формальную семантику». (Наряду с ней в предложении содержится и «неформально-синтаксическая структура», или «неформальная семантика», которые также между собой тесно взаимодействуют.) [5. С. 5—8]. Оставляя в стороне вопрос о неформальной семантике, покажем, что устройство предикативных основ (структурных схем) простого предложения и его актуальное членение взаимодействуют, что они неразрывно связаны и что **само выделение структурных схем без учета актуального членения предложения оказывается не всегда возможным.**

В перечне структурных схем простого предложения, содержащемся в «РГ-80» и в «КРГ», приводятся среди прочих две схемы: (1) «инфинитив — имя существительное в именительном падеже»: *Трудиться — доблесть; Найти себя в жизни — счастье; Искать друзей в старости — удел одиночества; Летать — вот его мечта* и (2) «имя существительное в именительном падеже — инфинитив»: *Наше обязательство — дать отличную продукцию; Дисциплина — это значит контролировать себя; Подлинный гуманизм — это помогать людям.*

Если сравнить такие два предложения, построенные по этим образцам, как, например: *Найти себя в жизни — это счастье* и *Счастье — это найти себя в жизни*, то нетрудно заметить, что они отличаются именно актуальным членением, т.к. от первого ко второму изменяется не просто порядок компонентов, но изменяется и состав темы и ремы; в первом предложении темой является компонент, выраженный инфинитивом (с присловными распространителями), ремой — существительное в именительном падеже, а во втором — темой является существительное в именительном падеже, а ремой — инфинитив с присловными распространителями. Попутно отметим, что изменилась и «неформальная семантика», говоря словами Е.Н. Ширяева: общее значение всех предложений с препозицией инфинитива — «отношение между отвлеченно представленным действием или процессуальным состоянием и его признаком — квалификацией» [2. С. 439]; общее значение предложений с препозицией существительного в именительном падеже и постпозицией инфинитива типа *Счастье — это найти себя в жизни* — это «отношение между предметно представленным состоянием и его признаком» [2. С. 438]. Следовательно, изменение актуального членения (и синтаксической семантики) при выделении этих двух структурных схем в РГ-80 и КРГ было учтено, но это сделано лишь единожды, — только в данном случае, в результате чего и были выделены именно *две различные структурные схемы*: Inf N1 и N1 + Inf. В остальных же случаях тот факт, что изменение актуального членения предложения, выраженное изменением порядка слов, также приводит к изменению самой структурной схемы, остался неучтенным.

Так, выделена структурная схема «количественное наречие или имя в им.п. с количественным значением — существительное в родительном падеже»: *Много цветов; Масса гостей; От детей — мало помощи; У этого человека — много достоинств.* Сравнение же предложений тождественного лексико-морфологического состава, но с различным актуальным членением показывает, что **принципиальным образом изменяется и структурная схема**, лежащая в их основе. Так, в предложении *Много цветов* оба компонента слиты в единое словосочетание

на основе подчинительной связи и между ними нет **предикативных отношений**; предикативное значение передается всем словосочетанием в полном составе: именно оно называет предикативный признак и выступает в качестве *ремы*. Предложение построено в соответствии с латентными вопросами: «Что имеет место / существует / наличествует (в действительности)?». Это предложение констатирующего типа с *нулевой темой*. Заметим, что если данный предикативный признак — ‘наличие большого количества цветов’ — будет приписан какому-то носителю, то последний будет выражен детерминирующими членами предложения — или в роли темы (чаще), как в случаях типа *На поляне // много цветов; В зале // много цветов; У нее в руках // много цветов* и т.д., — или же в роли ремы: *Много цветов // только на сцене; Много цветов // далеко не у всех учителей* и т.п.). (Знаком // отделяем тему от ремы). Однако существенно то обстоятельство, что и при наличии таких детерминантов, и при их отсутствии предикативный центр составляет целостное подчинительное словосочетание *много цветов*, между компонентами которого, само собой разумеется, нет предикативных отношений. Коммуникативная цель говорящего в таком случае состоит в том, чтобы *констатировать наличие (существование) большого количества чего-либо* (в данном случае — *цветов*). Теперь изменим актуальное членение предложения и отразим это порядком компонентов схемы: *Цветов // много; Цветов // масса; Цветов // мало; Цветов // была масса*. Такие предложения служат иной коммуникативной цели: сообщить именно **количество** цветов — и строятся в соответствии с иным латентным вопросом: «Сколько (было) цветов?» Компонент в родительном падеже — тема, компонент с количественным значением — рема. Но главное, что при таком актуальном членении предложения (и соответственно при таком порядке слов) **между компонентами структурной схемы возникают предикативные отношения**.

Значит, схема Adv quant (N1 quant) N2 одна, а схема N2 + Adv quant (N1 quant) — другая, а именно: между компонентами структурной схемы в первом случае нет предикативных отношений (компоненты образуют, как было отмечено выше, подчинительное словосочетание), а во втором — между компонентами структурной схемы есть предикативное отношение: это предикативное соединение словоформ, В первом случае предикативный признак — ‘много цветов’; во втором — предикативный признак — это только ‘*много, масса, множество, мало*’, т.е. количество, а носитель этого признака — компонент в родительном падеже — *цветов*.

Двукомпонентные схемы первого типа предлагаем называть **слитнопредикативными**, а структурные схемы второго типа — **раздельнопредикативными** [З. С. 13—14].

Итак, двукомпонентные структурные схемы, выделенные «РГ-80», **принципиально различимы**: одни структурные схемы содержат два таких компонента, между которыми нет предикативных отношений, они слиты в единое словосочетание на основе подчинительной связи и в единстве именуют предикативный признак, — это **слитнопредикативные схемы**; другие структурные схемы содер-

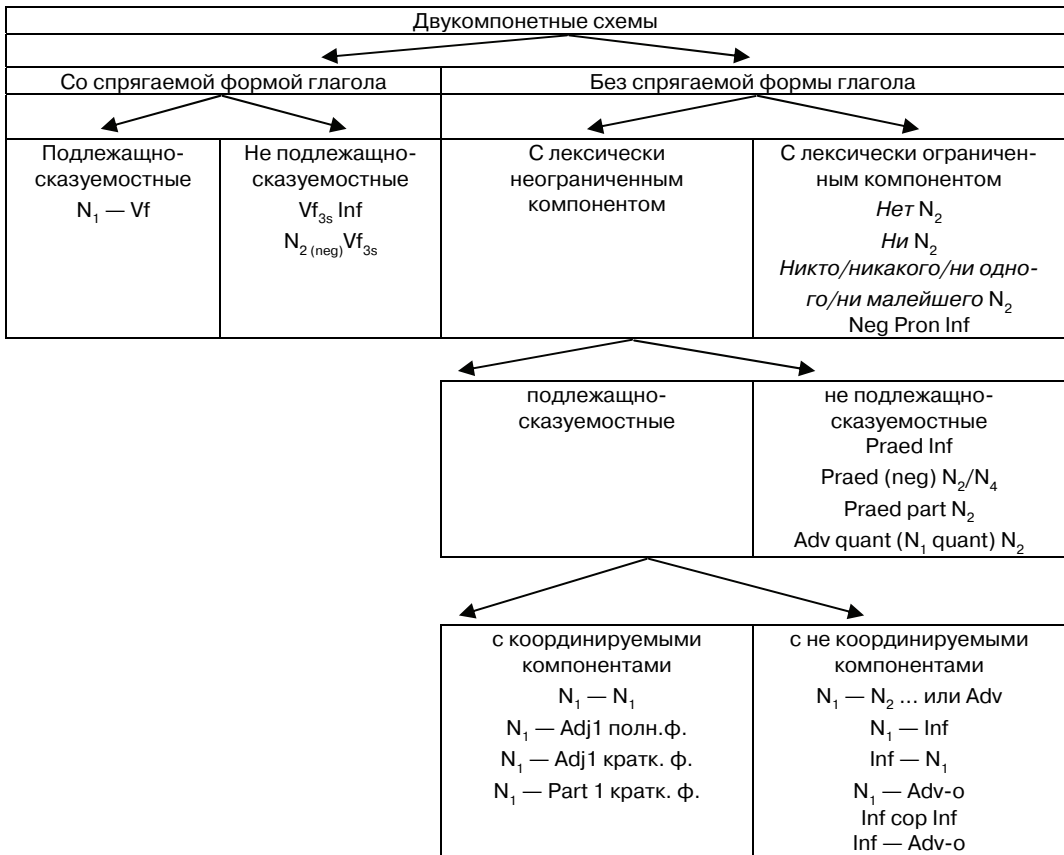
жат два компонента, один из которых именуется носителем предикативного признака, а второй — сам этот предикативный признак, — это **раздельнопредикативные схемы**.

Следовательно, количество свободных двукомпонентных структурных схем должно возрасти в сравнении с имеющимся списком. Так, предложения, построенные по схеме «имя существительное в родительном падеже — глагол в форме 3 лица единственного числа»: *Воды убывает; Беды не случилось; Дел хватает; Конца не предвидится* и под. — построены по раздельнопредикативной схеме, т.к. существительное в родительном падеже называет носителя предикативного признака, а спрягаемая форма глагола называет сам предикативный признак. Иное же в следующих случаях: *Убывает воды* — [значит, паводок скоро кончится]; *Не предвидится конца; Хватает своих дел*; [Он (Н.В. Тимофеев-Ресовский. — О.К.) *возвращался на родину как бы поэтапно.*] *Прибывало воли, прибывало людей* (Д. Гранин. Зубр). Констатация факта (*прибывало воли*) оформляется полностью рематичным предложением (моноремой), в основе которого лежит слитнопредикативная структурная схема «глагол в форме 3 лица ед. ч. + имя существительное в родительном падеже». Эти два компонента слиты в единое словосочетание, в котором главный компонент — глагольное слово (*прибывать/прибыть*) управляет зависимой словоформой; ср.: *К Зубру прибывало воли; Прибывать воли перестало; Скоро прибудет воли.*

Аналогично: предложения (1) *Нет времени; У меня нет сил; У него нет друзей* построены по слитнопредикативной структурной схеме: «слово *нет* в сочетании с родительным падежом имени существительного». Тот факт, что при таком актуальном членении и порядке слов предикативный центр предложения организуется целостным словосочетанием, подтверждается тем, что главный компонент — это именно слово, а не единичная словоформа, т.е. это лексема *нет* в совокупности всех своих форм: *нет / не было / не будет / не было бы* и т.д. (а подчинительное словосочетание и представляет собой, как известно, слово, распространенное зависимой словоформой); ср.: *Нет времени; Не было времени; Не будет времени; Не быть времени не может; [сейчас у него каникулы].* (2) При коммуникативной установке на сообщение верификативного характера (*Есть ли время? Есть ли у него друзья?* и т.п.) актуальное членение и оформляющий его порядок слов изменяются; ср.: *Времени нет; Времени совсем нет; Друзей у него, к сожалению, нет.* Теперь компонент «существительное в родительном падеже» имеет значение носителя предикативного признака, которому предикативности присущ этот признак — ‘отсутствие’: (*нет / не было / не будет / не быть*); между компонентами имеются предикативные отношения, чего не было в предыдущем случае, т.е. в предложениях, построенных по структурной схеме *Нет N2*; следовательно, второго типа предложения построены по другой, а именно: раздельнопредикативной — структурной схеме: *N2 + нет*.

Введение еще одного — и существенного! — классификационного признака: «**наличие/отсутствие предикативных отношений между двумя компонентами структурной схемы**» — должно, по нашему мнению, не только более адекватно выявить сам корпус структурных схем, но и значительно упорядочить и упростить их классификацию.

Для доказательства последнего утверждения приведем ту классификацию свободных двукомпонентных структурных схем, которая содержится в РГ-80 [6. С. 97]:

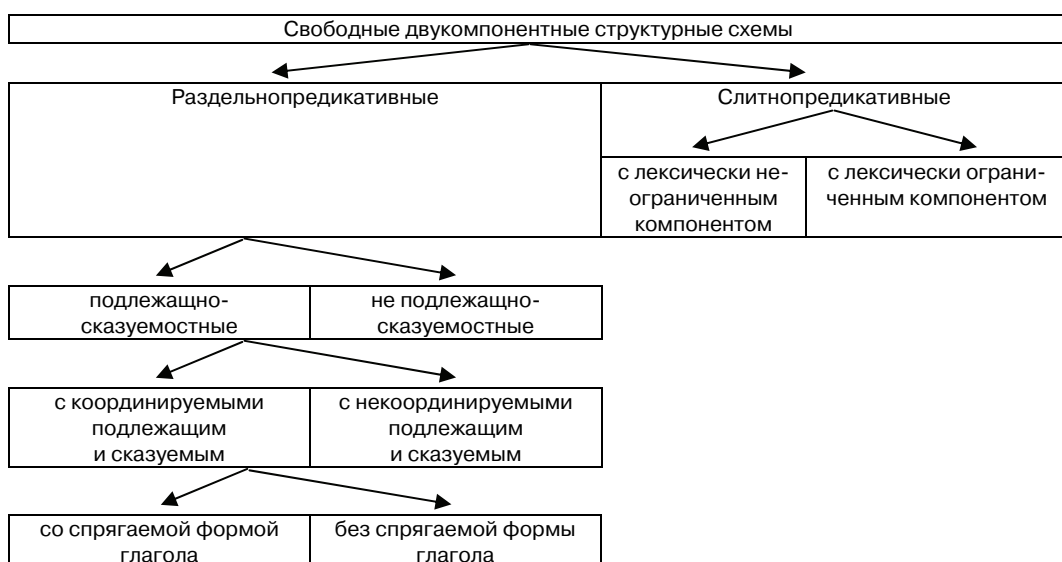

Эта классификация страдает рядом недостатков. Во-первых, признаку «наличие/отсутствие спрягаемой формы глагола» приписан слишком высокий ранг, т.е. все двукомпонентные структурные схемы уже на самом первом шаге деления распределяются на два больших класса по этому основанию. А в результате похожие структурные схемы оказываются далеко разведенными друг от друга (например, *Урок прекратился* и *Урок прекращен*; *Ребенок здоров* и *Ребенок выздоровел*), в то время как совершенно несхожие схемы, наоборот, сближены (например, *Студенты занимаются* и *Следует подождать*).

Во-вторых, предлагаемая в РГ-80 классификация содержит в различных классах несколько повторяющихся подгрупп: так, подлежащно-сказуемые и не подлежащно-сказуемые схемы выделены и среди структурных схем со спрягаемой формой глагола, и среди схем без такой формы; в то же время признак «наличие/отсутствие подлежащего и сказуемого» не охватывает всех двукомпонентных схем, тогда как естественно напрашивается иное решение: если в схеме два компонента, то либо они представляют собой подлежащее и сказуемое, либо не получают этой характеристики, и третьего не дано.

Наконец, в классе схем со спрягаемой формой глагола классификационный признак «наличие/отсутствие координации между подлежащим и сказуемым» оказался неучтенным: он отнесен только к подлежащно-сказуемым схемам без спрягаемой формы глагола.

Предлагаемое нами разделение двукомпонентных структурных схем на слитнопредикативные и раздельнопредикативные позволяет построить классификацию, лишенную этих недочетов; хотя количество схем несколько возрастет (вместо 21 окажется 26), она примет более компактный и логически более упорядоченный вид: во-первых, благодаря тому, что основанием классификации станет существенный признак, и, во-вторых, благодаря тому, что каждый классификационный признак будет введен однократно [3. С. 15]. Тогда классификация всех свободных двукомпонентных структурных схем примет следующий вид:

Приведем все 26 свободных двукомпонентных структурных схем, выделенных по указанным основаниям и распределенных по названным классам в соответствии с последней таблицей. В качестве иллюстраций сначала приводятся нераспространенные предложения, состоящие только из предикативной основы, отраженной структурной схемой, а затем — предложения с распространителями (присловными или/и детерминирующими). Если есть контекст, он заключается в квадратные скобки.

А. Раздельнопредикативные структурные схемы

1. Подлежащно-сказуемые с координируемыми подлежащим и сказуемым

а) со спрягаемой формой глагола:

$N_1 + Vf$: Студенты занимаются; Студенты занимаются в пятой аудитории.

б) без спрягаемой формы глагола:

$N_1 + N_1$: Отец — инженер: Отец моего друга — главный инженер на большой стройке.

$M_1 + Adj_1$ полн.: Утюг горячий; По-моему, утюг слишком горячий для этой ткани.

$N_1 + Adj_1$ кратк.: Задача трудна; Эта задача слишком трудна для пятиклассников.

$N_1 + Part$ кратк.: Магазин закрыт; Ближайшая аптека закрыта на ремонт.

2. Подлежащно-сказуемые с некоординируемыми подлежащим и сказуемым

$Inf + N_1$: Спорить — мука; Спорить с ним — настоящая мука.

$N_1 + Inf$: Желание — помочь; Мое заветное желание — видеть его счастливым.

$N_1 + N_{2...}$ (Adv): Аптека за углом; Все самые необходимые книги — на полке над письменным столом.

$Inf + Adv$: Заниматься интересно; Читать лежа вредно.

$Inf + Inf$: Руководить — это проверять; Курить — здоровью вредить.

$Inf + (neg)Vf_3s$: Ждать не следует; Ждать больше получаса не следует.

$Inf + Praed$: Помочь можно; Помочь ей не просто можно, но и нужно.

$Inf + Pron neg$: Пожаловаться некому; Идти туда незачем.

3. Не подлежащно-сказуемые

$N_2 + (neg) Vf_3s$: Дел хватает; Воды прибывает; У меня своих забот хватает.

$N_2/N_4 + (neg) Praed$: Девочку жалко; Мне времени для занятий с ребенком совсем не жаль.

$N_2 + Praed part$: Запасов наготовлено; Пирожков к празднику не нажарено.

$N_2 + Adv quant$ ($N1 quant$): Народу много; Народу — тьма; Народу на площади — масса.

$N_2 + нет$: Времени нет; У него свободного времени совсем нет.

$N_2 + Pron neg$: Интересного — ничего; Знакомых в зале — никого.

Б. Слитнопредикативные схемы

1. С лексически ограниченными компонентами

нет N_2 : Нет времени; У меня нет свободного времени.

Никого (ничего, ни малейшего, ни единого, ни одного)

N_2 : [Вошли в зал.] Никого знакомых. В этой книге ничего нового.

$Neg Pron Inf$: Незачем спорить; [Ситуация безвыходная:] не с кем посоветоваться.

2. С лексически неограниченными компонентами

$Praed Inf$: Пора уезжать; Необходимо позаботиться о снаряжении для экспедиции.

Praed (neg) N₂/N₄: *Жаль малышку; Мне жаль потерянного времени.*

Adv (quant) (N[quant] N₂: *Много вопросов; У матери с детьми много забот.*

Praed part N₂: *Нажарено пирожков; На зиму заготовлено дров.*

Возникает вопрос: если мы последовательно учитываем изменение актуального членения, а показателем изменения актуального членения (и, соответственно, состава темы и ремы) является измененный порядок слов, то почему количество структурных схем, приведенных в РГ-80, не увеличивается вдвое? (Как мы показали, их количество выросло при этом незначительно).

Дело в том, что за изменением порядка слов могут скрываться различные явления, а именно:

а) в одних случаях это изменение означает не только изменение актуального членения, но и перестройку синтаксических связей и отношений (подчинительная связь уровня словосочетания заменяется на предикативное соединение словоформ (*Много цветов / Цветов — много; Пора уезжать / Уезжать было уже давно пора*);

б) в других случаях изменение порядка слов означает изменение актуального членения предложения, но при этом сохраняется характер предикативных отношений между компонентами структурной схемы (*Мой сосед по даче — известный писатель / Этот известный писатель — мой сосед по даче*);

в) наконец, может быть такая перестановка, которая представляет собой инверсию, т.е. изменение *объективного* порядка слов на стилистически значимый, *инверсивный*, сопровождающийся эмфазой; при этом не изменяется ни актуальное членение предложения, ни синтаксические связи и отношения между компонентами его предикативной основы (*Утюг горячий. / [Осторожно:] гор'ячий утюг!*; аналогично: *Наши Псков упорный. / Уп'орный / наши Псков! [Никому не сдается]* (В. Песков).

Только в первом из трех перечисленных случаев происходит та структурная перестройка грамматической основы предложения, которая имеет следствием описанное увеличение количества структурных схем, не говоря уже о том, что не всегда изменение порядка компонентов возможно даже в принципе; например, слитнопредикативная структурная схема с лексически ограниченным компонентом «*ни* + существительное в родительном падеже» (*Ни звука*) — не допускает перестановки компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М.: Просвещение, 1976.
- [2] Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. — М.: Русский язык, 1989.
- [3] Крылова О.А. Уровни организации предложения и их соотношение // Межуровневые связи в системе языка: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Л.Г. Зубкова. — М.: Изд-во Ун-та дружбы народов (РУДН), 1989. — С. 12—23.

- [4] *Крылова О.А.* Коммуникативный синтаксис русского языка. — М.: Изд-во РУДН, 1992.
- [5] *Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н.* Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис. Пунктуация. — М.: Изд-во РУДН, 1997.
- [6] *Русская грамматика. Т. II: Синтаксис.* — М.: Наука, 1980.

**STRUCTURAL SCHEMES
AND ACTUAL DIVISION OF A SENTENCE**

О.А. Krylova